

Она любила его задолго до его появления. Авансом. Вперед. Загодя. А вот когда он родился, ее мечты рухнули: играть с братом не получалось. Слишком маленький, слишком нежный, слишком бестолковый. Все было слишком. А когда он подрос, у нее почему-то включились материнские чувства ответственности и превосходства. Но брат это не оценил. И потому их игры спокойными назвать было трудно. Они дрались, вечно спорили, обзывались и взаимно пакостничали. И даже самая мирная игра в шашки заканчивалась знатной потасовкой. Но иногда и они превращались в банду, возводя вокруг себя мир, доступный только им двоим.

Старческие глубокие, неровные морщины так прочно вцепились в ее облик, что сделали похожими кожу на высохшую и потрескавшуюся от засухи землю. Цвет лица был тусклым и серым, более подходящим для черно-белого комикса, нежели для живой женщины. В ее взгляде давно потухли последние искры, а глаза, некогда излучавшие теплый зеленый свет, поблекли, точно изумруды, оказавшиеся подделкой. Сухие, слегка трясущиеся губы уже давно утратили манящий изгиб и были сжаты в одну тонкую жесткую нить. Ей так было тяжело все вспоминать. А хотелось. Но память, тот колодец ощущений детства и молодости, был уже истощен, а точнее, в силу возраста закрыт и недоступен. А в девяносто лет это единственное развлечение, что приносит азарт, сладость и даже восторг. И потому современный медицинский центр, куда она отправилась добровольно всего пару месяцев назад, нашел для нее решение. Она прочла об этой услуге в каком-то буклете, который принесли внуки вместе с журналами. Да, наука шагнула вперед. Ученые научились возвращать воспоминания, а вместе с ними мечты и радость прожитых лет. И все оказалось просто: воссоздали нейронную сеть: соединили, реставрировали и хронометрировали воспоминания сестры и брата, все аккуратно записав на носители. Теперь было достаточно только

подключить ее к компьютеру, прикрыть глаза, а там... Простор! И побег в молодость! Она наслаждалась этим всеми своими долгими днями в пансионате. Ходить она уже не могла, только передвигалась в инвалидном кресле и по большей части лежала, предаваясь воспоминаниям.

«Маленький» – так называет его мама. Он упитанный, веселый и красивый, как девчонка. Мы едем в автобусе с братом домой. Все кругом толкаются локтями, руками и оттаптывают нам ноги. Я пытаюсь защищать брата, чтоб его не задавили.

– Ничего, – говорю я ему. – На следующей остановке многие выйдут, и будет посвободнее.

Он тарарчит на меня большими темно-зелеными глазами, его круглые, как у матрешки, щеки тесно зажаты шапкой с детскими завязками. Он мне верит и крепко держит за руку. Вскоре люди выходят – автобус пустеет.

– Девочка, иди, садись сюда! – вдруг обращается какая-то тетка с бородавкой на носу к моему брату.

Я ошарашенно молчу. Молчит и брат. Надулся, как бурундук. Ох, как он не любит это!

– Девочка, садись! – настаивает тетка с бородавкой.

– Я не девочка, я мальчик, – шепчет мой брат.

– Что? Что, девочка? – переспрашивает тетка, наклоняясь к брату.

– Я мальчик! – сердито ворчит тот.

А я смеюсь. Опять! Опять его приняли за девочку. Ну что ж. Нечего быть таким красивым! Но вдруг я вижу его глаза, обрамленные темными ресницами, словно опахалами, и стеклянный гневный взгляд. Вся его фигура маленького человека, укутанного в какую-то несуразную шубу, подпоясанную солдатским ремнем, весь его образ: поникшая поза, опущенная голова и дрожащие губы, – выражает настоящее горе. Ежесекундное горе маленького брата. Я уже не смеюсь. И только по дороге домой, искоса поглядывая на его розовые от мороза нежные щеки, украдкой прыскаю: ну как матрешка! Девочка и только!

Все эти воспоминания отличаются от снов. Можно сказать, кардинально. Сны – это нечто, не поддающееся сознанию, там никогда не знаешь, чем они вызваны и как закончатся. Это разгул воображения, порой ничем не обоснованный, вызванный лишь усталостью или эмоциональным состоянием. В ее же случае воспоминания всегда носили характер завершенности, вновь давали пищу для размышлений, переосмысления совершенных поступков и прожитых лет. Она не любила жалеть о прошлом, потому так легко пошла на эту услугу. «Все мои ошибки, так или иначе, характеризуют меня, они являются неотъемлемой частью моей сути, мыслей и мировоззрения. Без этих ошибок, виражей судьбы, взлетов и падений, больших и маленьких, это была бы уже не моя жизнь, а чья-то другая. Потому жалеть о сделанном или несделанном – пустая трата времени. Я так сделала! И готова это прожить снова и снова в своих воспоминаниях», – так отвечала она своим детям и внукам, которые не совсем понимали ее желание оставаться в пансионате. И был один еще невероятный бонус в воспоминаниях. Сны даже сейчас при современных достижениях науки до сих пор оставались черно-белыми, подобно театру теней. А вот воспоминания были раскрашены, да и не только. Во время сеанса подключено было и обоняние: а что может лучше напомнить о былом, как ароматы и запахи?

Я зашла в квартиру и сразу почувствовала: что-то изменилось. Тонкий, едва заметный аромат. «Новые духи у мамы?» – подумала я. И тишина. Я медленно сняла пальто и зашла в свою комнату. А посередине! Кошмар! Все игрушки вытряхнуты из ящика и валяются огромной кучей на полу. Но покричать я не успела. Я увидела рядом с братом девочку! И даже замерла на месте. Раньше он девочек не приводил. Да и вообще он всегда был, как мальчиш-плохиш. Он таскал с улицы камни и прятал их под подушкой, он лазал по деревьям, пропадал всеми вечерами за старыми гаражами. Его друзья – самые отчаянные хулиганы во дворе. А тут – девочка! Я поздоровалась, аккуратно обошла груды игрушек, забралась с книжкой на кровать и стала потихоньку наблюдать. И было на что посмотреть. Наши разодранные куклы и игрушки и вдруг в руках этой девочки ожили и превратились в сказочных героев. Эта белокурая нимфа с веснушками играла увлеченно, азартно и как-то гармонично спокойно. А мой брат сидел и смотрел на нее. На этот маленький цветок мира, добра и созидания. Девочка приделала белке уши из ваты. Завязала мишке шарф, прикрыв рваную рану на шее. Она вручала моему брату то одну игрушку, то другую и показывала, как с ними разговаривать. А тот, загипнотизированный, послушно исполнял все ее желания. Он стеснялся смотреть на меня, я не подавала виду, что подглядываю. Но я вдруг осознала, что он не просто маленький мальчик, временами невыносимо вредный и задиристый, он человек, который нравится девочкам. А в дальнейшем будет так же нравиться женщинам, которые будут влиять на его поступки и его жизнь.

Мы вместе отчего-то вдруг притихли. А потом девочка ушла, оставив маленький букетик живых ландышей – именно этот аромат я почувствовала при входе.

К старости реализм в ее натуре одержал верх над романтизмом. Ее сердце, довольно бурное, нежное и отзывчивое в молодости, не превратилось в розовую вату. Она давно перестала восхищаться сладкими рождественскими историями или плаксивыми драмами. Каким-то чудом реальность без прикрас приносила ей больше радости и тепла. Она не боялась беспокойных, тревожных воспоминаний, что многие годы в молодости отзывались болью или стыдом. Наоборот, сейчас они пробуждали в ней отчаянное желание жить и вновь прокручивать свою историю! И именно брат был в центре ее воспоминаний. А новизна в этих событиях состояла в том, что объединенные с братом воспоминания не позволяли ей заикливаться только на своих ощущениях. Или видеть только одну сторону. Картина событий представляла в более полном формате, теперь она лучше понимала самого брата: его мысли и чувства. Слово в сериале, где главная героиня она, но и второй герой прописан ярко, не менее глубоко и детально.

Заходим с братом в тир. Мы оба любили стрелять. Он стоит и спрашивает у меня деньги, чтобы самому расплатиться. Но я уперлась. Мал еще! Вот подошла наша очередь, и вдруг меня толкнул какой-то парень, пытаясь пролезть вперед. Я не успела ничего ответить. Мой брат коршуном налетел на него и прижал к прилавку. Хулиган отступил и ушел в конец очереди. Впервые брат заступился на меня. Как так-то? Он же маленький! Я вдруг посмотрела на него иначе, со стороны. Он с меня ростом, крепкий, коротко пострижен по какой-то чудаковатой моде. Детская пухлость давно исчезла, и появились четко

очерченные подбородок и скулы. А сведенные темной дугой брови и какой-то яростно-тревожный блеск глаз даже пугал. Да он же вырос! Как я могла не заметить? Я молча отдала брату деньги...

Брат мягко погладил ее по голове, наклонился и обнял. Его руки, всегда горячие, были такими родными! Он чмокнул ее в щеку, и у нее потекли слезы. Нет, это не была слабость или старческая сентиментальность. Это были искренние чистые слезы радости от встречи.

– Ты приехал! – Ее морщины на лице вдруг пришли в движение, лицо оживилось и помолодело. – Как долго я тебя ждала! – Она даже как-то вдруг подобралась в своем кресле, засуетилась.

– Тридцать лет... – выдохнул он.

Они молча смотрели друг на друга. Уже почти полвека брат и сестра жили вдали друг от друга. Разные страны, разные семьи, профессии, интересы, круг друзей и знакомых. Все разное, однако...

– Я все равно вижу тебя мальчиком, – улыбнулась сестра.

– Ну, уж это извращение с твоей стороны, – поморщился он. – У нас всего шесть лет разницы.

На минуту он замялся, а потом добавил:

– Но все равно ты старше.

И засмеялся так, как в детстве, подзадоривая и дразня ее.

– А ты все такой же балагур и заноза! Как жаль, что тебя не было рядом все эти годы... – улыбнулась она в ответ. – Как твои? Все хорошо у них?

– Да, неплохо. Все живы, здоровы. Ты поспи, я посижу рядом.

– Только не уходи, – попросила она. – Мне осталось немного.

День за днем брат проводил около сестры. Они смеялись, подкалывали друг друга, вместе смотрели воспоминания: их новогодние праздники, стихи Деду Морозу, совместные поездки на рыбалку, семейные праздники. Часто вспоминали родителей, молодых и сильных. Глаза брата и сестры искрились, как прежде. Весь мир сконцентрировался вокруг них, в одной маленькой белоснежной палате. И они раскрашивали ее своими воспоминаниями.

Однажды с утра она его предупредила.

– Я сегодня уйду, ты не бойся. Мы встретимся. Но тебе еще рано, – говорила она брату, отводившему глаза в сторону.

К вечеру сестра попросила воспоминание. То тягостное, что жило в ее памяти все эти годы, которого она избегала и страшилась. Она помнила тот день смутно. И единственное, что вынесла и сохранила на всю жизнь, – свою ненависть к сливам. Да-да, к обычным садовым сливам, из которых мама варила компот на зиму.

Был обычный теплый день конца лета, когда еще осень только изредка хмурыми дождями намекает о себе. Младший брат немного простудился, и родители решили не водить его в детский сад. Бабушка, большая, красивая и добрая, согласилась сегодня присмотреть за внуком. Я без дела скучаю дома, болтаю с бабушкой, поясняю, каким супом накормить двухлетнего брата. Та сажает его в детский стульчик, который я очень люблю, потому что он может трансформироваться в столик на колесиках с деревянными счетами на панели. Вдруг неожиданно зашла в гости мамаина сестра, которая была у своей подружки. Она пришла без дела, бесцельно побродила по квартире, заглянула в гостиную. Мне с ней говорить было не о чем. Она вообще ассоциируется

у меня с болью, так именно она – наша семейная медсестра и приходит в основном делать мне уколы. И я ее за это недолюбиваю. Мы с бабушкой на кухне кормим брата с ложки, он с удовольствием чмокает своими пухлыми губами. Отсутствие аппетита? Не-е-ет. Он про это никогда не слышал. Зато, по словам взрослых, хоть приятно смотреть на ребенка. Бабушка с какими-то прибаутками отправляет в рот малышу очередную ложку... И тут брат начинает кашлять. Сильно, глухо и долго. А затем вдруг резко выгибается телом, запрокидывая голову назад, почти выпадая из стульчика. И замолкает в такой почти окоченевшей позе. Я не слышу крика бабушки. И только вижу, как она резко вспорхнула со стула, обхватила ребенка и замахала руками. Тут я понимаю, что ее вой сливается с моим. Тетка, та самая, злая мамина сестра, влетает в кухню и выхватывает ребенка. Она бежит с ним в детскую и разрывает на его тельце рубашку. А брат молчит. Он молчит уже долго. Я понимаю, что орем мы с бабушкой. Две бестолковые, никчемные курицы. Мы не просто орем, мы задыхаемся от воя и страха. Ребенок не дышит, и мы это видим. Кто-то из нас собирается позвонить родителям. Мы обе бежим к телефону, что-то орем в трубку. Я вновь вижу свою тетю, которая стоит на коленях перед окоченевшим ребенком. И методично, резко и как-то совсем как чужая растирает грудь брату. Она не слышит нас и не реагирует на плач и крики. Она не с нами, она с ним, с этим маленьким голым ребенком без признаков жизни. И мамина сестра вырывает его жизнь из лап чудовищной смерти, из лап страха и огня для всех нас. Она запустила его маленькое сердце. Первый вздох, первый плач... Но мы еще не верим. Мы с бабушкой в каком-то одинаково шоковом состоянии. Тут прибежали все: мама в ярко-красной вязаной кофте с белыми маленькими розочками, побледневший отец, врачи скорой помощи, соседи... Меня выгоняют в другую комнату. И я выхожу на свежий воздух – на балкон. Посередине стоит огромный алюминиевый таз со сливами. Синие спелые сливы каких-то гигантских размеров. Ну до чего ж большие! Медленно, чтобы отвлечься, я начинаю их есть. Они, конечно, пыльные, немного грязные, но ничего. Пусть будут такими. Сейчас не до мелочей. Я их ем, ем, ем. Отрешенно и как-то машинально...

Противное тонкое попискивание компьютера нарушает воспоминание. Все. Она больше не нуждается в нем. Она ушла. К родителям, к бабушке, к той самой вредной маминой сестре. Ушла с миром и воспоминанием, которого боялась всю жизнь. Она ушла, остановившись на сливах, которых после того случая не ела никогда. Брат встал, подошел к сестре, наклонился и поцеловал ее, нежно, тепло. И застыл в растерянности. В палату вошла медсестра, затем врачи. Зафиксировали смерть. Медсестра, аккуратно выключила программу в компьютере. Тихое шипение. Легкий треск. И голограмма брата исчезла. Та самая голограмма, которую создали по решению брата всего месяц назад и которая поддерживала весь этот месяц сестру. Чудо техники – голограмма, осязаемая, наполненная всеми качествами и запрограммированная на определенные слова и поступки, всего лишь создавала иллюзию близости родного человека.

– Нужно сообщить ее брату, – спокойно распорядился врач.

– Не получится. Он умер два дня назад, – тихо ответила медсестра.